

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>

<http://vk.com/vounb>

e-mail: vounb@mail.ru

+7 (473) 255-05-91

ВРОНЕЖСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

— ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ. —

1 СЕНТЯБРЯ.

№ 35

1913 ГОДА.

Современныя задачи пастырскаго служенія.

Въ моей книжкѣ „Пережитое“ на первой страницѣ приводится разсказъ изъ эпохи освободительнаго движенія 1905—1906 годовъ подъ заглавіемъ „Угарь“. Въ этомъ разсказѣ передается одинъ изъ эпизодовъ этого движенія, когда взбунтовавшіеся мужики безпорядочной толпой идутъ громить сосѣднюю усадьбу помѣщика, а ихъ приходскій священникъ, предупрежденный объ ихъ страшномъ замыслѣ, по долгу пастырскаго служенія, въ облаченіи и съ крестомъ въ рукахъ встрѣчаетъ ихъ около своего дома съ словомъ наставленія и вразумленія. Раздосадованные пьяные мужики, подозрѣвая, что священникъ останавливаетъ ихъ ради интересовъ помѣщика, напираютъ на священника, сбиваютъ съ ногъ... Кто-то бьетъ въ домѣ окна... И какъ бы по этому сигналу, вмѣсто помѣщика, разграбляется и сжигается домъ священника... И только подъ утро опомнились мужики, что они сдѣлали съ ихъ любимымъ пастыремъ, и какъ толпа

провинившихся дѣтей, съ испуганными лицами, идутъ къ своему пастырю и вымаливаютъ у него прощеніе.

Этотъ разсказъ названъ „Угаръ“, да и все освободительное движеніе, пожалуй, можно охарактеризовать однимъ словомъ „угаръ“. Люди, какъ угорѣлые, бросались изъ одной стороны въ другую, уничтожали, грабили, жгли, и сами не сознавали что и за что, часто дорогое, любимое, что и сами потомъ оплакивали и жалѣли.

Да, но извѣстно, что угаръ быстро входитъ и одурманиваетъ человѣка, но выходитъ-то крайне медленно и съ болѣзненными процессами. Такъ и въ жизни: революціонный угаръ прошелъ, но слѣды его еще остались и до сего времени. И какъ послѣ пронесшагося надъ землей урагана жители собираютъ разбросанныя пожитки и приводятъ въ порядокъ свои жилища, такъ и мы всѣ теперь заняты устройствомъ своихъ домашнихъ дѣлъ.

Волна революціоннаго теченія прокатилась и надъ церковно-общественной жизнью и замутила ея мирные устои. Пронеслась волна, но рябь и муть еще осталась. Броженіе въ церковно-общественной жизни еще есть и, пожалуй, разгорается все шире и шире.

Какъ и всегда въ исторіи народовъ и государствъ послѣ наивысшаго напряженія энергіи духа наступаетъ затишье реакціи, такъ и въ церковной жизни: богоборчество и отрицаніе революціонныхъ годовъ замѣнилось теперь теченіемъ „богоискательства“. Исканіе новыхъ путей религіозно-нравственной жизни—есть основная черта нашего времени.

Но, соотвѣтственно духу времени и индивидуальнымъ стремленіямъ отдѣльныхъ личностей, это исканіе, на ряду съ нѣкоторыми добрыми плодами, принесло не мало и нестроенія въ церковно-приходскую жизнь. Оно 1) подорвало

благожелательныя отношенія между пастырями и пасомыми; 2) оно явилось источникомъ зарожденія сектантскихъ учений; и 3) если можно сказать, сдѣлало одно доброе: среди истинныхъ сыновъ церкви вызвало желаніе приложить свою энергію и къ дѣлу разумнѣя Православнаго ученія и къ защитѣ его отъ неправомыслія, и къ дѣлу устроенія своей церковно приходской жизни.

И то, и другое, и третье начинается жить, начинается предъавлять свои запросы и требуетъ ихъ разрѣшенія.

Пастырю церкви уже нѣтъ возможности стоять въ сторонѣ. Время благодушества, время доброй сельской идилліи прошло, прошло время и требоисправленія, — пастырю предъавляетъ жизнь другія, великія задачи, задачи строительства жизни. Какъ пастырь стада, какъ военачальникъ своей духовной рати, — онъ долженъ идти впереди жизни, направлять жизнь, а не плыть по ея теченію. Иначе съ намъ перестанутъ считаться, и онъ рискуетъ потерять свой авторитетъ.

Что же нужно дѣлать пастырю для незазорнаго прохожденія въ данный моментъ своего служенія?

Обстоятельно на этотъ вопросъ отвѣтить невозможно, ибо нива пастырскаго служенія настолько широка и необъятна, что предусмотрѣть всѣ извивы и изгибы ея выше силъ человѣка. Однако, насколько эти задачи ясно предносятся моимъ слабымъ силамъ, мнѣ думается, что вниманіе современнаго пастыря должно быть обращено на три важнѣйшихъ пункта его жизни: 1) на отношеніе къ пасомымъ, 2) на противодѣйствіе развитію сектантанства и невѣрія и 3) на надлежащую организацію церковно-приходской жизни.

Вопіющимъ вопросомъ въ настоящее время церковно-общественной жизни является вопросъ объ обезпеченіи духовенства. Кажется, ни съ однимъ вопросомъ не соединялось еще столько страстныхъ надеждъ и чаяній, какъ съ этимъ вопросомъ. Это весьма понятно: настоящій способъ

обезпеченія духовенства чрезъ добротныя подачки, поистинѣ, является тѣмъ камнемъ преткновенія, о который разби-ваются всѣ лучшія, идеальныя пастырскія стремленія. Ничто не породило еще столько треній и всевозможныхъ недоразумѣній между пастыремъ и пасомыми, какъ эти страшные сборы. Я не удивляюсь и вполне понимаю тѣхъ священниковъ, которые говорили нерѣдко мнѣ, что какъ подумаешь, что надо идти по сбору, волоса становятся дыбомъ.

Но больнѣй всего то, что эти сборы являются тѣмъ злокачественнымъ грибокъ, который отравляетъ добрыя отношенія пастыря съ пасомыми. Не будетъ преувеличеніемъ, если сказать, что современный индифферентизмъ къ вѣрѣ и сектанство, главнымъ образомъ, и вырастаютъ на почвѣ этого проклятаго вопроса. По крайней мѣрѣ, во всѣхъ сектантскихъ возраженіяхъ лейтъ-мотивомъ проходитъ одна грустная пѣснь:— „Священнику нужно нести, а у насъ все даромъ“!

Г.г., было бы страннымъ отрицать благодѣтельное значеніе той великой минуты, когда бы пастырь церкви не имѣлъ надобности протягивать руку за подаваніемъ. Но съ другой стороны, не нужно быть и настолько оптимистами, чтобы думать, что уничтоженіе сборовъ сразу наладитъ отношеніе духовенства съ приходомъ. Мнѣ кажется, на дѣло нужно взглянуть глубже: мнѣ кажется, что сборы и плата за требы являются только *поводомъ* къ разрыву добрыхъ отношеній между обѣими сторонами, а *причинъ* нужно искать дальше и глубже въ самомъ характерѣ этихъ отношеній.

Вотъ и нужно обратить вниманіе на то,—нормальны-ли эти отношенія, отличаются-ли они тѣмъ отечески-христианскимъ духомъ, какой свойственъ въ отношеніяхъ отца къ дѣтямъ и дѣтей къ отцу? Живетъ-ли пастырь интересами своихъ дѣтей, горитъ-ли къ нимъ любовью, болѣетъ-ли ихъ скорбями, радуется-ли ихъ радостями? Не отдѣлилъ-ли онъ

себя отъ нихъ стѣною, чрезъ которую съ трудомъ перелѣзаетъ и то, когда нужно идти по сбору? Что же удивительнаго, что видя эту стѣну, накипь недовольства осаждается на сердца прихожанъ и во время сборовъ и платежей прорывается наружу? И стѣна становится еще выше.

Боже сохрани! я всѣмъ сердцемъ желаю, чтобы братьямъ моимъ по служенію дали хотя бы и казенное содержаніе,—но я боюсь, чтобы не выросла еще больше стѣна, отдѣляющая духовенство отъ народа. Современная жизнь настоятельно диктуетъ, что эту стѣну нужно разрушить, нужно стать ближе къ народу, и тогда и народъ станетъ ближе къ намъ. Знаете, а для близкаго—ничего не жалко.

О.о. и бр., я не хочу быть голословнымъ. Я хочу вамъ привести великій историческій примѣръ, изъ котораго видно, что отчужденіе духовенства отъ народа явилось одной изъ причинъ—не недовольства за плату,—о, нѣтъ, гораздо большаго явленія,—такого явленія, какъ—*возникновеніе и развитіе на югѣ у насъ сектантства.*

Конечно, мы всѣ задавались вопросомъ: „Почему на югѣ, а не на сѣверѣ началось и такъ быстро развилось сектантство?“ Преосвященный Алексій въ своихъ „Матеріалахъ“, миссіонеры прот. Кутецовъ, свящ. Чепуринъ и др. говорятъ, что сектантство на югѣ нашло болѣе благопріятную почву для своего развитія. Духовенство богатыхъ южныхъ епархій жило жизнью помѣщиковъ, „пановъ“, далеко отъ народнои жизни, и народъ оторвался отъ него и потянулъ въ штунду. На сѣверѣ же духовенство живетъ очень бѣдно и поэтому ближе къ народу,—оттого и сектантство тамъ менѣе прививается.

Второй пунктъ, на который необходимо современному пастырю обратить самое серьезное вниманіе,—есть быстрое распространеніе сектантства и невѣрія. Посмотрите, какъ черви послѣ дождя, такъ всюду присасываются сектанты.

Справедливо говорить мой коллега, что гдѣ есть одинъ сектантъ, тамъ уже цѣлая зараза, такъ какъ кругомъ ищи десятокъ поколеблемыхъ, сомнѣвающихся. Уберечься отъ нихъ теперь нѣтъ возможности. Какъ заразные микробы, сектантскіе вѣянія носятся прямо въ воздухъ и заражаютъ новыя и новыя жертвы. Уничтожить ихъ тлетворное вліяніе теперь, пожалуй, и невозможно...

Но, г.г., если, невозможно избавиться отъ этихъ разрушающихъ бациллъ, то возможно и должно сдѣлать организмъ менѣе и даже совсѣмъ къ нимъ невосприимчивымъ. Бациллы летятъ и разрушаютъ скорѣй больной организмъ, крѣпкій же и здоровый не боится ихъ заразы.

О.о. и бр. чтобы отразить сектантское нашествіе, мы должны закалить свой духовный организмъ отчетливымъ и положительнымъ знаніемъ Слова Божія; должны научиться владѣть этимъ „мечомъ духовнымъ“, должны научить сему и своихъ духовныхъ чадъ.

Наилучшимъ средствомъ къ сему для насъ является изученіе миссіонерской науки, а для нашей паствы—открытіе миссіонерскихъ приходскихъ кружковъ и кружковъ ревнителей православія. Это великая, органическая сила прихода. Не увеличивая можно сказать, что не такъ діаволь боится ладана, какъ сектантъ миссіонерскаго кружка.

Наконецъ, бр., современный пастырь не долженъ оставить безъ вниманія и тѣхъ вѣрныхъ сыновъ православной церкви, которые болѣютъ за ея невзгоды и ищутъ обновленія и улучшенія приходско-церковной жизни. Ахъ, мы должны радоваться, что еще не всѣ уклонились налѣво, что еще остались вѣрные сыны Божьи, и должны лить и дорожить или въ особенности. Народъ ищетъ путей и способовъ, гдѣ бы онъ могъ приложить свою религіозную энергію. Удовлетворить этому стремленію настоятельно необходимо.

Посмотрите и сравните насъ съ сектантами и у нихъ, дѣйствительно, мы найдемъ не мало и хорошаго въ жизни: у нихъ трезвость—у насъ пьянство; у нихъ взаимопомощь—у насъ нищета; у нихъ братство—у насъ вражда; у нихъ грамотность—у насъ невѣжество...

Знаете, мотылекъ летить къ свѣту, не разсуждаетъ даже онъ, что тамъ онъ обожжетъ себѣ крылья. Такъ и народъ,—онъ идетъ на огонекъ, ему нѣтъ нужды даже разсуждать, что это свѣтитъ въ болотѣ ивановскій червячекъ, онъ не разсуждаетъ, что тамъ получить духовную малярію,—онъ, объятый тьмою, видитъ огонекъ и идетъ, идетъ на него... А мы, бр.,—не Ивановскій червячекъ,—мы имѣемъ самое горячее и явное солнце,—но мы скрыли его въ сумеркахъ жизни и не хотимъ раскрыть...

Приходская жизнь должна проснуться,—такъ велить жизнь. Повторяю: время требоисправленія прошло, надо начать строить жизнь.

Насъ заѣдаетъ пьянство,—зажгите по всѣмъ угламъ огоньки трезвости, заведите братства трезвости. „Пусть видятъ наши добрыя дѣла и прославятъ Отца Небеснаго“!

Насъ корятъ въ незнаніи вѣры и въ охлажденіи къ ея истинамъ,— устраиайте кружки ревнителей за истину святую. Неопустительно, всегда бесѣдуйте, молитесь, пойте. Заводите богослуженіе чинное, торжественное, съ пѣніемъ народа или хора пѣвчихъ.

Насъ упрекаютъ въ очерствѣніи сердца, въ отсутствіи братской любви,—заводите ясли, больницы, богадѣльни, похоронныя, братскія кассы... и проч.

Словомъ, думая о небѣ, о небесномъ,—не забывайте позаботиться и о земномъ. Ибо и о земномъ забота благословенна.

Вотъ, мнѣ кажется, каковы задачи должны предноситься пастырю въ его современномъ пастырскомъ служеніи.

Въ заключеніе я долженъ сказать, что всѣ эти задачи, какъ онѣ ни кажутся велики, были бы вполнѣ удобовполнимы для духовенства, еслибы оно имѣло одну главнѣйшую черточку: побольше имѣло общенія другъ съ другомъ.

Одинъ вдумчивый публицистъ сказалъ, что духовенство въ пропорціональномъ отношеніи является самымъ сильнымъ сословіемъ въ Россіи. Это кажется на первый взглядъ страннымъ и неправдоподобнымъ, но на самомъ дѣлѣ—это такъ. Если мы оглянемся назадъ хотя бы лѣтъ на сто и прослѣдимъ жизнь духовнаго сословія съ серьезнымъ безпристрастіемъ, безъ всякаго предубѣжденія,—то согласимся, что изъ этого такъ называемаго „поповскаго сословія“ вышло немало великихъ людей на всѣхъ поприщахъ государственной-народной жизни.

Здѣсь мы видимъ извѣстныхъ профессоровъ-философовъ: Кудрявцева, Кудрявцева-Платонова, Голубинскаго; литераторовъ: Помяловскаго, Новодворскаго, Соловьева; критиковъ: Добролюбова, Чернышевскаго; художниковъ: Верещагина, Боголюбова; великихъ архіереевъ: Филарета, Платона, Иннокентія, Амвросія; священниковъ: Іоанна Кронштадскаго, Алексѣя Колоколова; великихъ государственныхъ сановниковъ: Сперанскаго, Побѣдоносцева и др. многихъ.

И право, становится и больно и обидно, что такая великая сила иногда становится въ хвостѣ общественнаго движенія.

Гдѣ же разгадка этого нашего сословнаго несчастья? Отчего другіе, хуже насъ, менѣе образованные, менѣе трудолюбивые и серьезные, живутъ наравнѣ съ жизнью и даже идутъ впереди ея, указывая ей дорогу?

Чего нѣтъ у насъ? ума? характера? усердія? знанія?

О, нѣтъ? все это есть у насъ, но нѣтъ единства, организованности.

Чѣмъ сильно католическое духовенство? Чѣмъ крѣпнетъ и развивается сектантство? Чѣмъ главенствуютъ политическія партіи и ихъ верховоды?

Взаимной сплоченностью.

А мы?. Мы и исполнительны, и трудолюбивы, и работоспособны, —но какъ-то въ одиночку. Интересъ къ общественной жизни, къ нашимъ общимъ задачамъ, даже къ защитѣ нашего общаго достоянія—церкви въ насъ пробужденъ не въ достаточной мѣрѣ. Сплотиться, общей стѣной двинуться на работу—для насъ еще ново. Мы, какъ муравьи, старательно несемъ зерна, но только каждый въ свою норку.

Но помните: „одна головня и въ печи не горитъ, а двѣ и въ полѣ дымятся“—говоритъ нашъ народъ.

Въ солидарности, общеніи и въ организованности—залогъ всякаго успѣха, всякаго предиріятія. И нашъ успѣхъ и въ дѣлѣ пастырства, и учительства, и руководительства приходской жизнью—лежитъ въ нашей организованности.

Соединиться, сплотиться—вотъ что намъ необходимо!

Легко разломить вѣникъ, распустивъ его на отдѣльные прутья; такъ же легко будетъ подорвать и наши силы, забросать насъ грязью, заклеить пятномъ лѣности, тунеядства и лихоимства,—если мы въ одиночку будемъ бороться съ жизнью! Наши добрые порывы и свѣтлыя начинанія въ жизненной борьбѣ тогда погаснутъ, какъ одинокія звѣздочки на темномъ небѣ!

Но если мы рука-объ-руку, дружной семьей пойдемъ на общее дѣло, намъ будутъ не страшны тогда никакіе сектанты, никакіе социалы, никакіе хулиганы слова. Мы вынесемъ тогда и отстоимъ отъ враговъ наши народныя святыни.

Воронеж. Епарх. Миссіон. священ. *Петръ Сергѣевъ.*

Задонскій праздникъ.

Слава Богу! Еще жива та православная вѣра народная, за которую наше отечество называется „святой Русью“ - Матушкой! Еще не изсякъ тотъ источникъ воды живой, изъ котораго почерпали предки наши силу и бодрость на созиданіе великаго Государства Русскаго.

Два дня тому назадъ мы были свидѣтелями торжества горячей, несокрушимой народной вѣры.

Еще 11-го числа, проѣзжая по шоссе отъ Воронежа къ Задонску, мы видѣли, какъ горѣла эта вѣра народная. Тысячи благочестивыхъ богомольцевъ непрерывною цѣпью тянулись, вѣроятно, не одну сотню верстъ, позабывъ тяготы и дальней дороги, и знойнаго дня, и томящей мучительной жажды. Кого только не было здѣсь? Мы обгоняли и стариковъ, и старухъ, и молодыхъ, и даже дѣтей съ котомочками за плечами, иногда въ лапоткахъ, съ палкой въ рукѣ, — всѣ они, запыленные, обоженные солнцемъ, шагали спокойно къ Святителю Божью..

И тутъ мы уже не спрашивали: что заставило ихъ принять на себя этотъ паломническій подвигъ, — ибо это и безъ словъ было видно по ихъ благоговѣйнымъ, вѣрующимъ лицамъ. И невольно глубокой, умилительной любовью проникаешься къ этимъ благочестивымъ, вѣрующимъ людямъ! И невольно шепчешь: „О, Господи! дай и намъ такую великую, дѣтскую вѣру!...“.

День пути прошелъ незамѣтно. Часовъ въ 6 мы уже подъѣзжали къ Задонску. Версты за три уже виднѣлась величественная обитель. Здѣсь народу шло еще больше...

Наконецъ, вотъ мы и въ обители, гдѣ нашли гостепріимный пріютъ отъ радушнаго хозяина, о. Архимандрита Александра. Первымъ дѣломъ — въ церковь, въ соборъ, поклониться святителю. Но, къ сожалѣнію, сдѣлать этого то-

гда не удалось: шло всеобщее бдѣніе, и народу было такъ много, что было совершенно невозможно дойти до гробницы Святителя.

На другой день народу было вдвое больше и со всѣхъ сторонъ все прибывало и прибывало. Какъ послѣ страшнаго ливня дождевыя капли, ручейки и ручьи сливаются въ широкое море,—такъ и народъ со всѣхъ уголковъ св. Руси капельками и ручейками слился въ одну неисчислимую народную лаву и заполонилъ всѣ площади, проходы и улицы и живымъ, широкимъ кольцомъ окружилъ святую обитель.

12-го августа, наканунѣ праздника, торжественную всеобщую службу Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Тихонъ, въ сослуженіи о. Ректора Семинаріи, Архимандрита Серафима, о. Настоятеля монастыря, архимандрита Александра, архимандрита Тимолая и прочаго многочисленнаго духовенства. Кромѣ сего въ двухъ мѣстахъ на монастырской площади служились всеобщія бдѣнія. Литія была совершена на высокой паперти собора и представляла величественное зрѣлище... Здѣсь, на высотѣ 20 ступеней, сонмъ духовенства, а внизу... широкое море богомольцевъ благоговѣнно крестится, вздыхаетъ и плачетъ... Незабываемая картина...

Между каѳизмами Епарх. миссіонеромъ-проповѣдникомъ, свящ. о. Петромъ Сергѣевымъ, было сказано поученіе изъ жизни Святителя Тихона. А послѣ величанія Высокопреосвященнѣйшій Владыка прочиталъ акаѳистъ Святителю. Чудно пѣлъ хоръ архіерейскихъ пѣвчихъ... Словомъ,— было великое торжество вѣры, зажегшее молитвеннымъ чувствомъ всѣ сердца. Служба окончилась въ 12-мъ часу, но большой усталости не чувствовалось...

А когда наступила ночь, когда въ обители все успокоилось, лишь на небѣ горѣли полныя звѣзды, да во свѣтѣ фонарей поднимались силуэты величественныхъ монастыр-

скихъ храмовъ,—какъ хороша и величественна была эта святая тишина!

Я вышелъ на крыльцо и не могъ оторвать глазъ отъ умилительной картины. По всему двору монастыря, подъ стѣнами, подъ крыльцами, на голой землѣ, на холодныхъ плитахъ, въ корридорахъ, въ проходахъ—всюду, сплошной пеленой лежали богомольцы... Они забыли всѣ неудобства, забыли холодъ, сырость ночи и считали за счастье переночевать въ гостяхъ у Святителя. Это была такая тишина сна въ безсчетномъ многолюдствѣ, что казалось, стоишь среди мертваго поля. Лишь кое-гдѣ, какая-нибудь старуха, собираясь примкнуть къ общему сну, долго широкимъ крестомъ крестится на соборъ, шепчетъ какую-то молитву и тутъ же, среди уснувшихъ своихъ землячекъ, ложится на землю и чрезъ минуту сама засыпаетъ...

И, признаюсь, дорогіе мои читатели, вотъ только тутъ, надъ этимъ царствомъ сна я реально почувствовалъ величіе и безграничность мощной народной вѣры...

Чуть засвѣтало, и народный міръ былъ уже на ногахъ. По монастырю было трудно проходить. А когда, послѣ обѣдни, мощи Святителя показались на крыльцахъ собора, молитвенный восторгъ народа не поддается описанію. Многотысячная толпа, какъ волна, потянулась къ св. ракъ, хотѣлось каждому хоть прикоснуться къ святынь, хоть взглянуть на „Святителя, Кормильца-Батюшку“...

Ахъ! какая это была стихійная, великая сила! Здѣсь забывалось все: и горе, и радости, и болѣзни, и страданія—все замѣнила, все покрыла святая вѣра души...

— Святителю отче нашъ Тихоне, моли Бога о насъ!“ — раздавалось всюду и, думается, что сильнѣе и слаще этой молитвы тогда и не могло быть другой...

Обнесеніе продолжалось около часу...

Но вотъ и оно кончилось... Св. мощи снова въ со-

борѣ, снова подъ драгоцѣнной сѣнью... Окончился и молебень... И тутъ какъ-то мгновенно все опустѣло. Какъ-то незамѣтно, точно дождевая вода, расплзлась и разсѣялась и народная масса.

И снова, за городомъ, по дорогамъ и тропамъ потянулись богомольцы, унося въ сердцахъ своихъ миръ и благословіе св. обители. И долго, долго будутъ памяты имъ эти дни, когда они были гостями Святителя! Сколько разсказовъ, сколько переживаній, сколько слезъ пролито въ эти святыя дни!

И вѣрю я, что обитель Задонская орошается и поливается этими народными благочестивыми слезами! Этими слезами—болѣе, чѣмъ золотомъ и драгоцѣнностями, она и крѣпнеть, и цвѣтетъ, и возвышается. Ибо эти слезы—дороги и пріятны Святителю...

Пусть же благословіе и молитвы Святителя Тихона будутъ вѣчно надъ обителью Задонскою и пусть укрѣпляютъ они досточтимаго отца Настоятеля съ братією въ ихъ великомъ трудѣ на утѣшеніе и отраду всему вѣрующему міру.

Свящ. *Петръ Сергѣевъ.*

Очерки религіозныхъ движеній въ Русской церкви ¹⁾

V.

Продолженіе споровъ о седмичныхъ постахъ.—Кіевскій м. константинъ II и его попытка ввести ихъ.—Кіевскій соборъ 1168 года.—Недовольство русскихъ и особенно Андрея Боголюбскаго митрополитомъ.—Архим. печерскій пр. Поликарпъ.—Суздальскій игумень Феодоръ (*Федоренъ*).—Поставленіе его въ ростовскіе епископы.—Ворьба его съ м. Константиномъ.—Характеръ и смыслъ этой борьбы.

Съ удаленіемъ еп. Леонтія въ Византію вопросъ о постахъ русскіе могли считать для себя поконченнымъ. Такъ какъ Леонтій, равно какъ раньше и Несторъ, не нашолъ поддержки своему ученію со стороны кіевскаго митрополита,

¹⁾ Продолженіе. См. № 24.

то ясно было, что установившаяся практика относительно постовъ оказалась правильною, тѣмъ болѣе, что и константинопольскій патріархъ ничего не возражалъ противъ нея. Правда Лука Хрисовергъ въ извѣстномъ своемъ посланіи къ Андрею Боголюбскому дѣлалъ указанія относительно постовъ въ духѣ требованій Нестора, но ни откуда не видно, чтобы онъ настаивалъ на ихъ исполненіи. Въ дѣйствительности русскіе ничего новаго не вводили своимъ требованіемъ разрѣшать постъ въ среду и пятокъ на время отъ пасхи до пятидесятницы, отъ Р. Хр. до Крещенія, а также на праздники господскіе, гогородичные и нарочитыхъ святыхъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно обратиться къ исторіи учрежденія постовъ.

Всѣ посты въ христіанской церкви вошли въ употребленіе двоякимъ путемъ. Одни, какъ св. четыредесятница, постъ въ среду и пятокъ, узаконены были какъ общеобязательные и необходимые для всѣхъ христіанъ; другіе же постъ Рождественскій, Успенскій и Петровскій—вводились не каноническимъ путемъ, но путемъ обычая, а потому относительно ихъ въ церкви существовали долгія разногласія, именно: всѣ ли три поста нужно соблюдать или не всѣ и въ теченіи какого срока? Но такія же разногласія у грековъ возникли впоследствии и относительно постовъ въ среду и пятокъ. Въ древнѣйшее время ихъ отмѣняли въ пасхальную недѣлю вплоть до пятидесятницы и для дня Рождества Христова; потомъ, съ установленіемъ праздника Богоявленія и другихъ господскихъ и богородичныхъ праздниковъ, стали разрѣшать мясную пищу и на нихъ, если они падали на среду и пятницу, равно какъ и на праздники великихъ святыхъ, съ цѣлью почтить ихъ память. Въ виду того, что посты въ среду и пятокъ стали ограничиваться, начали вмѣстѣ этого содержать постъ въ теченіи пятидесятницы. Такое сокращеніе постовъ и въ тоже время расширеніе ихъ происходило

не со стороны церкви и не путем каноническимъ, а путемъ частнаго и мѣстнаго обычая. Такимъ-то образомъ по вопросу о постѣ въ среду и пятокъ оказались несогласными и сами греки: нѣкоторые постились въ пятидесятницу и въ прочіе господскіе и богородичные праздники, а другіе, по древнему обычаю, не постились ⁹⁸⁾. Нужно думать, что въ X—XI в.в. константинопольская церковь относительно седмичныхъ постовъ еще держалась извѣстной свободы и русскіе, принявъ въ это время отъ нея христіанство, приняли вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ церковные обычаи. Но въ XII в. въ Византіи уже стали ригористичнѣе смотрѣть на посты и начали переходить относительно ихъ къ той практикѣ, какая установилась впоследствии во всей православной церкви. Строго выполняя установившійся обычай относительно среды и пятницы, греки однако для русской церкви допускали прежнюю свободу.

Русскіе разрѣшали постъ „въ господскіа праздники и въ великихъ нарочитыхъ святыхъ, егда прилучится въ среду и въ пятокъ, иже есть Рождество пречистыа Богородици, и Введенье, и Срѣтеніе, и Успеніе и Преображеніе Господне, и святаго пророка и предтечи и крестителя Господня Іоанна Рождество и Усѣкновение, и святыхъ апостоль Петра и Павла, и святаго апостола и евангелиста Іоанна Богослова, и святыхъ великомученикъ Георгія и Димитрія и другихъ великихъ нарочитыхъ святыхъ...“ ⁹⁹⁾. Митрополиты, приходившіе на Русь, не нарушали установившагося обычая и только прибывшій въ 1167 г. м. Константинъ II не захотѣлъ слѣдовать мудрой осторожности своихъ предшественниковъ и поставилъ вопросъ о постахъ круто и рѣшительно. Онъ потребовалъ соблюденія поста въ среду и

⁹⁸⁾ *Е. Е. Голубинскій. Исторія рус. церкви, т. I, 1-я 1/2, изд. 2, стр. 462—6.*

⁹⁹⁾ *Никонов., IX, 236.*

пятницу тогда, когда въ нихъ постились въ церкви константинопольской.

По разсказу Татищева, споръ будто бы начался такъ. Въ 1168 году игумень печерскаго монастыря Поликарцъ съ братіей положили во всѣ господскіе праздники, если прилучатся въ среду и пятокъ, ѣсть сыръ, масло, яйца и молоко. Съ ними согласны были черниговскій князь Святославъ и другіе князья и епископы, но митрополитъ воспротивился этому и было о томъ преніе многое и распря великая. Мстиславъ же, князь великій, для рѣшенія спора, созвалъ соборъ изъ всѣхъ епископовъ, игуменовъ, священниковъ и ученыхъ монаховъ и сошлось ихъ до ста пятидесяти; пришелъ также Феодорецъ, суздальскій игумень, отъ князя Андрея Боголюбскаго. И было у нихъ тогда преніе многое; одни, какъ Антоній епископъ черниговскій и Антоній переяславскій, держались митрополита, а другіе, игумены, священники и монахи, поддерживали мнѣніе Поликарца, отвергая студійскій уставъ, большинство же, не желая досаждать ни митрополиту, ни князьямъ, отговаривалось незнаніемъ истины и никакого мнѣнія не объявили, полагая, что то состоитъ въ волѣ митрополита и игуменовъ въ ихъ монастыряхъ; были, наконецъ, и такіе, которые предлагали послать сіе на разсмотрѣніе и опредѣленіе къ патріарху. Князья однако не пожелали обращаться къ послѣднему, требуя рѣшить вопросъ на основаніи уставовъ вселенскихъ соборовъ. Андрей Боголюбскій даже писалъ Мстиславу, чтобы митрополита ссадить и выбрать епископомъ инаго и потомъ на соборѣ безпристрастно рѣшить споръ. Великій же князь, вѣдая многихъ князей на себя ненависть, опасался раздражать епископовъ, дабы они паче князей не возмутили и его Кіева не лишили, а потому оставилъ дѣло безъ рѣшенія. Когда же несогласные съ митрополитомъ епископы смоленскій, владимірскій и галицкій развѣхались, тогда митрополитъ

съ Антоніями—черниговскимъ и переяславскимъ осудили Полицарпа въ заточеніе.

Такимъ образомъ изъ этого раскола слѣдуетъ, что ннціатива въ данномъ дѣлѣ принадлежала Полицарпу, а не м. Константину. Но это невѣрно. Какъ извѣстно, вопросъ о постахъ въ русской церкви поднимался не разъ и почитался рѣшеннымъ именно въ томъ смыслѣ, въ какомъ рѣшалъ его Полицарпъ и братія кievскихъ монастырей; слѣдовательно, своимъ опредѣленіемъ на соборѣ 1168 года они ничего новаго не вводили, а потому и не могли быть виновниками возникшаго волненія. Полицарпъ и его сторонники лишь подтверждали прежнюю практику, которую кто-то пытался нарушить. Но кто могъ рѣшиться на это, какъ не митрополитъ-грекъ, которому чужды были какъ русская церковь, такъ и ея обычаи и порядки?! Итакъ, въ дѣйствительности, вопросъ о постахъ возбудилъ не Полицарпъ, а митрополитъ.

Что побудило митрополита дѣйствовать такъ, —указаній нѣтъ. Возможно, конечно, что имъ руководило ревностное благочестіе, но можно предполагать, что выступленіе его вызвано было и другими обстоятельствами.

Ко времени прихода Константина II на Русь между великимъ княземъ Кіевскимъ Мстиславомъ II Изяславичемъ и суздальскимъ Андреемъ Боголюбскимъ очень обострились отношенія въ виду честолюбивыхъ замысловъ послѣдняго, грозившихъ южной Руси потерей политической самобытности. Для того, чтобы избѣжать этой опасности, Мстиславъ долженъ былъ изыскивать всѣ средства и самое важное состояло въ томъ, чтобы привлечь на свою сторону высшую духовную власть, съ представителемъ которой предшественникъ его, князь Ростиславъ, былъ далеко не въ дружественныхъ отношеніяхъ ¹⁰⁰⁾. Неблагопріятно сложившіяся для

¹⁰⁰⁾ Ипатьев., II, 92.

Мстислава обстоятельства, когда противъ него вооружились помимо Боголюбскаго и другіе князья ¹⁰¹⁾, заставили его искать сближенія съ митрополитомъ и просить его помощи. У Константина, какъ грека, высоко ставившаго константинопольскую церковь и ея патріарха, не могло не явиться желанія воспользоваться затрудненіями великаго князя, чтобы поддержать нѣсколько упавшій среди русскихъ авторитетъ той и другаго ¹⁰²⁾. Споръ о седмичныхъ постахъ, неоднократно уже возбуждавшійся и, съ греческой точки зрѣнія нерѣшенный и теперь, для митрополита былъ благоприятнымъ случаемъ, чтобы возвысить голосъ для окончанія его въ духѣ церкви византійской.

Мы не знаемъ, при какихъ обстоятельствахъ Константинъ снова поднялъ этотъ вопросъ: продолжались ли толки о постахъ въ Кіевѣ еще со времени пребыванія здѣсь Леонтія, или же митрополитъ безъ всякаго повода потребовалъ отъ русскихъ держаться обычая церкви византійской. Повидимому, Константинъ предварительно составилъ нѣчто въ родѣ мѣстнаго собора при участіи черниговскаго епископа Антонія, переяславскаго Θεодора и, какъ говоритъ Татищевъ, еще трехъ архіереевъ, а также кіевскаго и изъ другихъ мѣстъ созданнаго монашества и бѣлаго духовенства ¹⁰³⁾. На этомъ соборѣ и должно было состояться опре-

¹⁰¹⁾ Никонов., IX, 237, 238.

¹⁰²⁾ Здѣсь нужно имѣть въ виду, вопервыхъ, дѣло еп. Нестора, когда обращенія патр. Луки къ Боголюбскому не имѣли никакаго успѣха, а затѣмъ поставленіе въ кіевскіе митрополиты Клима, шагъ, очень опасный для грековъ, и, наконецъ, нежеланіе князя Ростислава принять присланнаго изъ Византии безъ его вѣдома митрополита (Ипатьев. II, 92).

¹⁰³⁾ Никоновская *лѣтопись* говоритъ (IX, 236): «помогаше же Константину митрополиту и Антоней епископъ Черниговскій и [Феодоръ] епископъ Переяславскій». Ясно, что помощь этихъ епископовъ обуславливалась предварительнымъ соглашеніемъ митрополита съ ними, а также, вѣроятно, и съ мѣстнымъ духовенствомъ, на что можно видѣть указаніе въ словахъ: «онъ же (Антоній) иде (послѣ изгнанія изъ Чернигова) къ Константину митрополиту въ Кіевъ и пребываше тамо и съ сущими его (митрополита)». Подѣ

дѣленіе о постахъ. Но монашествующіе кievскихъ и другихъ монастырей, руководимые печерскимъ игуменамъ архимандритомъ Поликарпомъ, рѣшительно воспротивились митрополиту. По свидѣтельству Татищева, къ нимъ примкнули многіе изъ бывшихъ на соборѣ и даже три епископа, такъ что, за невозможностію прійти къ соглашенію, собраніе было распущено и только послѣ этого митрополитъ, съ согласія, конечно, великаго князя, рѣшилъ подвергнуть строгой карѣ печерскаго игумена, какъ главнаго своего противника: „того же лѣта, говоритъ лѣтописецъ, Константинъ митрополитъ Кіевскій и всеа Руси заточи Поликарпа игумена Печерскаго“..., запретивъ его въ священнослуженіи ¹⁰⁴). Вмѣстѣ съ этимъ, съ удаленіемъ изъ Кіева несогласныхъ съ нимъ. Константинъ задумалъ провести свою мѣру о постахъ, опираясь на князя Мстислава и преданныхъ ему епископовъ: Черниговскаго Антонія и Переяславскаго Феодора (по Татищеву—тоже Антонія), причемъ Антоній на столько усердно выполнялъ волю митрополита, что черниговскій князь, „не стерпѣ досады“, „понеже поносилъ“ и „много браняше“ его, изгналъ ревностнаго епископа изъ Чернигова и даже изъ предѣловъ своего княжества, такъ что онъ вынужденъ былъ искать убѣжища у митрополита, въ Кіевѣ ¹⁰⁵).

Дѣянія митрополита и великаго князя сильно возбудили противъ нихъ русскихъ князей. Питая неудовольствіе на Мстислава за обдѣленіе волостями, князья еще болѣе гнѣвались на него за поддержку Константина въ такомъ незаконномъ дѣлѣ, какъ установленіе новаго обычая въ соблю-

«сущими», здѣсь разумѣются единомышленники Константина и скорѣе всего—изъ его клира, кievскаго мѣстнаго приходскаго духовенства. См. *Татищева*, III, 160.

¹⁰⁴) *Никонов.*, IX, 236; *Лаврент.*, I, 151.

¹⁰⁵) *Татищ.*, III, 167; *Никонов.*, IX, 236.

деніи седмичныхъ постовъ. Особенно злобились на Мстислава черниговскіе и сѣверскіе князья за кievскій соборъ ¹⁰⁶). Такими обстоятельствами воспользовался Андрей Боголюбскій. Преслѣдуя свои политическія цѣли, онъ сталъ во главѣ недовольныхъ и весною 1169 года послалъ на Мстислава соединенныя войска, которыя, благодаря измѣнѣ кievскихъ бояръ Петра Бориславича, Нестора Жирославича (Жидиславича) и Якова Дигеневича, взяли Кіевъ приступомъ, опустошили его, а великій князь бѣжалъ въ свою вотчину—Владиміръ волинскій ¹⁰⁷). „Сіе же бысть за грѣхи и неправости наша, паче же за митрополичью неправду озлоблены князи, что запретилъ Поликарпу игумену печерскому въ господскіе праздники на Рожество Христово и Богоявленіе масло и млеко въ среду и пятокъ ѣсть, чего прежде не бывало“, многозначительно замѣчаетъ лѣтописецъ по поводу этого бѣдствія ¹⁰⁸).

Съ изгнаніемъ Мстислава планы м. Константина рушились. Князья вывели изъ заточенія Поликарпа и торжественно водворили его опять въ Печерскомъ монастырѣ ¹⁰⁹), а какъ уладилъ свои отношенія Константинъ—неизвѣстно. Повидимому, съ свойственной тогдашнимъ византійцамъ гибкостью характера, Константинъ оцѣнилъ надлежащимъ образомъ положеніе вещей и, увидѣвъ невозможность осуществить свою затѣю, отказался отъ нея, примирился съ князьями, Поликарпомъ и монашествующими; такъ что въ 1173 г. Константинъ, во главѣ кievскаго духовенства и народа уже встрѣчалъ новаго великаго князя Романа Ростиславича, какъ будто между ними ничего и не происходило ¹¹⁰).

¹⁰⁶) Татищ., III, 162.

¹⁰⁷) Никонов., IX, 237—8.

¹⁰⁸) Татищ., III, 166; Лаврент., I.

¹⁰⁹) Татищ., III, 167,

¹¹⁰) Татищ., III 148.

Примиреніе м. Константина съ духовенствомъ и князьями не входило однако въ расчеты Андрея Боголюбскаго и онъ не могъ имъ быть доволенъ. Давно и настойчиво домогаясь учрежденія митрополіи во Владимірѣ, Андрей, не смотря на бесплодность своихъ стараній, не терялъ надежды видѣть когда-либо въ своей столицѣ главу русской церкви. Казалось, надежда эта была близка къ осуществленію, когда на соборѣ 1168 г. обнаружилось явное недовольство и митрополитомъ и вообще зависимостью отъ греческаго патріарха и когда, можетъ быть, только своекорыстная политика великаго князя помѣшала провозглашенію самостоятельности русской церкви: рѣшительное предложеніе Боголюбскаго „ссадить“ митрополита и выбрать на его мѣсто новаго *самимъ епископамъ* встрѣтило, по словамъ Татищева, противодѣйствіе себѣ именно со стороны Мстислава Боголюбскій, повидимому, рассчитывалъ на то, что, еслибы его мысль была принята соборомъ, митрополитомъ выбрали бы суздальскаго игумена Феодора, вполне преданнаго ему и не затруднившася бы выполнить планы его—перенести митрополію и провозгласить независимость русской церкви. Что таковы были замыслы Боголюбскаго, это доказывается послѣдующими событіями, въ которыхъ главная роль принадлежала Феодору.

Игуменъ Феодоръ, называемый также уменьшительнымъ именемъ Феодорецъ, происходилъ изъ знатнѣйшихъ кіевскихъ бояръ. Онъ былъ братомъ тысяцкаго Петра Борисовича (Бориславича), измѣнившаго въ 1169 году князю Мстиславу. Это предосудительное поведеніе родственника, а также его лично суровый нравъ, неблагопріятно отразились на характеристикѣ. даваемой ему лѣтописцемъ, мало впрочемъ справедливой и даже прямо фантастичной, такъ какъ нельзя же въ самомъ дѣлѣ допустить, что Феодоръ былъ „волхвомъ“

и происходилъ „отъ демона“ какъ утверждаетъ нашъ источникъ ¹¹¹⁾.

Чрезвычайныя средства, потребовавшіяся для уясненія личности суздальскаго игумена, ясно говорятъ, что лѣтописцу пришлось имѣть дѣло съ человѣкомъ необыкновеннымъ, каковымъ онъ и былъ на самомъ дѣлѣ. Помимо всего легендарнаго, что приписала Ѳеодору суевѣрная мысль, въ біографіи его мы находимъ и такія черты, которыя рисуютъ намъ дѣйствительную, а не мифическую личность.

Такъ лѣтописецъ, не смотря на непріязнь, не можетъ отказать ему въ превосходныхъ умственныхъ дарованіяхъ и замѣчательномъ ораторскомъ талантѣ, ибо что иное могутъ обозначать собою выраженія: „мудрованіе козненно“, „языкъ чистъ, рѣчь велерѣчива“, какъ ни тонкій, пронизательный умъ, отшлифованный образованіемъ и даже ученостію, и неотразимый даръ слова, въ силу чего „никтоже можаше противу его стояти“? Даже самая внѣшность Ѳеодора, его сановитая, крѣпкая фигура, („величествомъ бѣ аки дубъ“), не осталась незамѣченной, и вотъ всѣ эти внутреннія и внѣшнія качества, вмѣстѣ съ знатнымъ происхожденіемъ и богатствомъ, такъ импонировали на современниковъ, что о немъ стали рассказывать настоящія басни ¹¹²⁾. Нѣтъ сомнѣнія также, что разныя несообразности, ходившія о Ѳеодорѣ, намѣренно распускались его врагами, какъ политическими, такъ особенно церковными, принадлежавшими къ греческому духовенству. Послѣднее, и прежде всего самъ м. Константинъ, видѣли въ немъ опаснѣйшаго недруга за тотъ образъ мыслей, котораго онъ держался относительно роли грековъ въ русской церкви и который онъ открыто высказывалъ на послѣднемъ кіевскомъ соборѣ. Здѣсь

¹¹¹⁾ *Никон.*, IX, 239.

¹¹²⁾ «Нѣдци глаголаху о немъ, яко отъ демона есть сей, и нѣи же волѣва его глаголаху» (*Никонов.*, IX, 239, 240; *Татиш.*, III, 167).

Федоръ явился самымъ ревностнымъ защитникомъ предложенія Боголюбскаго о низложеніи Константина и провозглашенія независимости церкви, „о семъ, говоритъ Татищевъ, Федорецъ паче всѣхъ прилежалъ“ ¹¹³). Но что важнѣе всего было такъ это то, что „Федорецъ“ не думалъ ограничиваться однѣми рѣчами, а смѣло и рѣшительно, при поддержкѣ Боголюбскаго, шелъ къ осуществленію на дѣлѣ защищаемой имъ національной точки зрѣнія и эмансипаціи родной церкви отъ греческаго засилья. Естественно, что проживавшіе на Руси многочисленные византійцы, епископъ Антоній, клиръ митрополита и онъ самъ могли относиться къ Федору не иначе, какъ только съ крайней нетерпимостью и такъ какъ вопросъ шелъ т. с. о „быть“ или „небыть“, то открывшаяся борьба приняла ожесточенный характеръ, когда пущены были въ ходъ всѣ средства вплоть до извращеній, измышленій и просто сказать—клеветы, чтобы низложить противника.

Такого именно происхожденія невѣроятные рассказы о дѣятельности Федора, уже въ санѣ ростовскаго епископа, какіе находятся въ лѣтописи, и о которыхъ рѣчь впереди.

Ф. Ильинскій.

(Продолженіе будетъ).

Оптинскій старецъ о. Варсонофій ¹⁾.

III.

Многихъ людей привелъ о. Варсонофій къ вѣрѣ въ Бога, въ другихъ возродилъ ревность къ жизни по Богѣ, указалъ путь, поддержалъ въ темныя минуты отчаянія, открылъ радость жизни.

¹¹³) ч. III, 161.

¹⁾ Окончаніе. См. № 31.

Сколько приходилось слышать такихъ разсказовъ, сидя въ хибаркѣ въ ожиданіи бабушки.

Молодая дама разсказываетъ, какъ ее бабушка замужъ выдавала. Она не хотѣла идти за посватавшагося къ ней человѣка, а бабушка благословляетъ. Родные, пріѣхавшіе съ ней въ Оптину, измучились съ ней. Весь день она провела въ слезахъ: замужъ ни за что не хотѣла выходить, и бабушку послушаться не рѣшалась. Наконецъ, она согласилась. Теперь она пріѣхала счастливой семьянинкой, мужъ ея оказался превосходнымъ человѣкомъ, и они живутъ душа въ душу.

Другой разъ слушаешь тихій разсказъ монахини. Дѣвочкой она была отдана въ монастырь противъ своей воли, всю жизнь возмущалась противъ своего невольнаго монастыря, а уйти не хватало рѣшимости. Случайно она попала къ о. Варсонофію и, послѣ бесѣды съ нимъ, все для нея измѣнилось. Душа умиротворилась, смирилась, приняла возложенный на нее крестъ, и жизнь, казавшаяся такой тяжелой и бессмысленной, стала добровольнымъ, спасительнымъ подвигомъ.

Для многихъ, очень многихъ, первое посѣщеніе Оптиной, о. Варсонофія—было переломомъ въ ихъ жизни. „Онъ перевернулъ мою душу“, „онъ перевернулъ мою жизнь“,—такое выраженіе постоянно приходилось слышать среди посѣтителей хибарки.

Слово о. Варсонофія обладало необычайной силой. Онъ какъ ключемъ отворялъ душу приходившаго къ нему человѣка, освѣщалъ потаенные ея уголки, напоминалъ забытые грѣхи, открывалъ то, что человѣкъ самъ иной разъ не сознавалъ въ себѣ, говорилъ самое нужное, необходимое для этой души, что она, можетъ быть, всю жизнь бессознательно жаждала услышать, и съ безконечной любовью открывалъ свои отеческія объятія этой сокрушенной, трепещущей души, какъ давножданному любимому дитяти.

О. Варсонофій былъ по преимуществу врачомъ душъ, но и страдающіе тѣлесными болѣзнями нерѣдко получали отъ него помощь и исцѣленіе. Въ такихъ случаяхъ смиренный старецъ, слѣдуя примѣру своихъ великихъ наставниковъ, посылалъ уже получившихъ по его молитвамъ здоровье къ пр. Тихону Калужскому, чтобы отклонить отъ себя славу исцѣленія.

Всѣ эти возрожденные душою и тѣломъ становились постоянными посѣтителями Оптиной. Съ какою радостью спѣшили они туда, погрѣться въ лучахъ любви своего батюшки и какимъ свѣтлымъ незабвеннымъ воспоминаніемъ останутся въ душѣ ихъ эти посѣщенія!

Сидишь бывало въ хибаркѣ и ждешь: когда отроется дверь и покажется батюшка, идя на мужскую половину или возвращаясь обратно. Вотъ онъ выходитъ и опять всѣ его окружаютъ. Батюшка кого приласкаетъ, кому съ улыбкой отвѣтитъ на поднимающуюся въ головѣ мысль, а то спросить: „А вамъ квасу давали?“— „Нѣтъ еще, батюшка“. „Братъ Н., что же ты моихъ гостей не угощаешь?“—зоветъ батюшка келейника. И „гостямъ“ подается великолѣпный скитскій квасъ съ медомъ, ставится подносъ со сливами или яблоками, и батюшка смотритъ, чтобы всѣ угощались. Или вынесетъ батюшка мѣшокъ конфектъ и начнетъ всѣхъ одѣлять. Вообще отъ о. Варсонофія никто, кажется, не уходилъ съ пустыми руками: онъ всѣхъ щедро одѣлялъ образками, листочками, дарилъ полотенца, платки, мелкія деревянныя вещицы, ложечки, цвѣты,—все, что ему приносилось одними, то онъ раздавалъ другимъ на благословеніе, и часто не безъ особаго значенія. Съ какой любовью давались эти маленькіе подарочки и сколько радости доставляли они!

Кромѣ окормленія многочисленныхъ мірянь, о. Варсонофій имѣлъ на своихъ рукахъ скитъ. Полный смиренія, о. Варсонофій считалъ это великой, незаслуженной честью

и милостью, которую оказалъ ему св. Іоаннъ Предтеча. Скитъ былъ для него любимымъ дѣтищемъ, дорогой родиной. Соединяя съ обиліемъ любви и ласки непреклонную твердость, о. Варсонофій поставилъ Оптинской скитъ очень высоко въ духовномъ отношеніи. Не меньше сдѣлалъ онъ и для его матеріальнаго благосостоянія, вложивъ въ него свое состояніе и привлекая массу пожертвованій, какъ деньгами, такъ и предметами церковнаго благолѣпія. Скитъ поистинѣ процвѣталъ при о. Варсонофій, какъ пустынный кринъ. Думалъ ли онъ, что ему придется разстаться съ нимъ? Въ 1910 г. о. Варсонофій, тяжело заболѣвъ, принялъ схиму. Въ этомъ монашескомъ всеоружіи встрѣтилъ онъ послѣднюю брань, которую долженъ былъ выдержать въ этой жизни.

IV.

Богъ часто посылаетъ своимъ подвижникамъ предъ смертью особенно тяжкія скорби, чтобы, очистивъ ихъ огнемъ страданій, сдѣлать ихъ достойными свѣтлыхъ, небесныхъ вѣнцовъ. Такъ и о. Варсонофію Богъ попустилъ испытать гоненіе.

Какъ всегда, нашлись люди, чѣмъ-нибудь недовольные; другіе дѣйствовали по неразумной ревности, легко вѣрящей дурному. Пошли доносы; родилась клевета, самая несправедливая, самая возмутительная... Сила оказалась на сторонѣ враговъ о. Варсонофія. Молча, какъ подсудимый, онъ долженъ былъ выслушивать обвиненія, такія оскорбительныя и сдѣланныя въ такой формѣ, что, казалось бы, его санъ и его возрастъ могли бы его отъ нихъ избавить. Предъ лицомъ любящей его братіи онъ подвергался самому пренебрежительному обращенію... Тяжелое это было время для Оптиной, для всѣхъ бывшихъ тамъ духовныхъ дѣтей о. Варсонофія. Невыносимо тяжело было видѣть эти незаслуженныя оскорбленія, наносимыя всѣми чтимому и любимому старцу.

Что переживалъ въ это время самъ о. Варсонофій? Спокойно и смиренно принималъ онъ всѣ эти обвиненія; утѣшалъ своихъ плачущихъ дѣтей; ни одного слова осужденія не вырвалось у него противъ кого бы то ни было. Онъ казался какъ-то особенно свѣтлымъ, особенно одухотвореннымъ въ то время, точно утонченнымъ переносимыми испытаніями. Никогда, кажется, его обращеніе со своими духовными дѣтьми не было исполнено такой любви, такой трогательной нѣжности!

Тогда у всѣхъ стоялъ одинъ вопросъ: оставлять батюшку въ Оптиной или нѣтъ? Наконецъ, стало извѣстно рѣшеніе: о. Варсонофій переводится настоятелемъ въ Коломенскій Старо-Голутвинъ монастырь. Это былъ тяжелый ударъ для старца; какъ великой милости, онъ просилъ позволить ему, сложивъ званіе скитоначальника и духовника, доживать свой вѣкъ въ скиту въ числѣ братіи, но не получилъ на это разрѣшенія. Тогда онъ предался волѣ Божіей и съ готовностью и бодростью пошелъ по тому пути, куда она его вела. 2-го апрѣля 1912 г. о. Варсонофій простился съ Оптиной: съ глубокой скорбію проводили его настоятель и преданная ему братія; 5-го апрѣля онъ былъ возведенъ въ Москвѣ въ санъ архимандрита и па другой день выѣхалъ въ Коломну. Труды предстояли ему громадныя. Старо-Голутвинъ монастырь, оставшійся нѣкоторое время безъ настоятеля, былъ очень запущенъ; о. Варсонофій принялъ его обремененнымъ долгами, безъ всякихъ запасовъ, съ опустошенной ризницей. Надо было упорядочить службу, поднять жизнь братіи, сколько-нибудь поправить хозяйство.

Съ ревностью и любовію, не щадя своихъ силъ, принялся о. Варсонофій за исправленіе врученной ему обители. Онъ отыскалъ среди братіи себѣ подходящихъ сотрудниковъ; его имя стало привлекать въ монастырь и новыхъ постриженниковъ изъ искренно желающихъ поработать Христу;

храмы обогатились цѣнными пожертвованіями. Мѣстное населеніе (фабрично-заводское) толпами стало стекаться къ старцу, ища у него помощи въ своихъ нуждахъ и скорбяхъ. И вообще количество прїѣзжающихъ къ о. Варсонофію достигло громаднхъ размѣровъ, благодаря близости Москвы и легкости сообщенія. Слабое здоровье старца не могло выдержать такихъ трудовъ. Онъ опять подавалъ прошеніе о разрѣшеніи ему удалиться на покой въ Оптину. Изъ Оптиной со своей стороны шли ходатайства о возвращеніи имъ старца. Наконецъ, желанное разрѣшеніе было получено, но... Господь призвалъ уже о. Варсонофія въ небесный покой.

13 марта 1913 г. о. Варсонофій заболѣлъ своей предсмертной болѣзью. У него сдѣлался параличъ кишекъ, онъ не могъ принимать пищи, только прїобщался каждый день Св. Тайнъ. Тихо угасалъ онъ вдаль отъ родной Оптиной, вдаль отъ близкихъ ему по духу отцовъ и братій оптинскихъ, окруженный только своими келейниками. Такой же тихой и сокровенной была и его кончина.

1 апрѣля о. Варсонофій скончался. 6-го было совершено торжественное отпѣваніе, и при рыданіяхъ народа гробъ съ тѣломъ старца отбылъ въ Оптину пустынь. Кончилось изгнаніе.

Трогательна была встрѣча тѣла въ Оптиной. Когда паромъ съ гробомъ приблизился къ берегу, вышедшіе ему навстрѣчу скитяне съ плачемъ ринулись внизъ, къ гробу своего отца, котораго не такъ они ожидали встрѣтить. Много слезъ было пролито и на другой день, когда за литургіей было прочтено завѣщаніе о. Варсонофія. Въ этомъ краткомъ завѣщаніи старецъ посыдалъ свою любовь и послѣднее благословеніе Оптинской братіи, особенно же гнавшимъ его, прощая ихъ въ принесенныхъ ему скорбяхъ, въ которыхъ и не винилъ ихъ, такъ какъ одинъ виновникъ всякаго зла— дьяволъ. Со своей стороны онъ завѣрялъ ихъ, что всегда

желалъ только ихъ пользы и спасенія; если же не успѣлъ на дѣлѣ проявить этого, то просилъ у нихъ прощенія.

О. Варсонофія похоронили на тихомъ Оптиномъ кладбищѣ, среди другихъ старцевъ, рядомъ съ могилой его наставника о. Анатолія. Новое драгоцѣнное зерно опустили въ благодатную Оптинскую землю, эту ниву, засѣянную еще старцами Леонидомъ и Макаріемъ, приносящую съ тѣхъ поръ обильные урожаи, на которой и теперь зеленѣютъ пышные всходы, на которой и впредь, Богъ дастъ, будутъ произрастать полновѣсные колосья старческой мудрости и добродѣтеля. (Моск. Вѣдом.).

Путевыя замѣтки и впечатлѣнія по Кавказу.

20 іюня сего года отправилась, подъ руководствомъ уважаемаго инспектора семинаріи П. В. Беклемишева, экскурсія воспитанниковъ семинаріи на Кавказъ. Цѣлью экскурсіи было, конечно, и научный интересъ, но главное то, чтобы отдохнуть отъ усиленной умственной работы экзаменаціоннаго періода и запастись свѣжими силами для предстоящаго учебнаго года.

20 числа предъ отходомъ поѣзда воспитанники семинаріи пошли къ о. Ректору, чтобы испросить Благословенія Божьяго на предстоящую поѣздку. Очень трогательна была сцена, когда о. Ректоръ, раставаясь съ нами, сказалъ намъ нѣсколько напутственныхъ словъ на дорогу, благословилъ и поцѣловалъ каждого изъ воспитанниковъ.

Поистинѣ, это трогательная картина тѣмъ, что замѣчались въ ней чисто родственныя—отеческія отношенія къ намъ о. Ректора.

Въ 4 часа дня, занявши отдѣленіе въ вагонѣ, мы выѣхали изъ Воронежа. Проѣхавши Воронежскую губернію, мы

вступили въ область Войска Донского. Проѣзжающій будетъ заинтересованъ каменноугольными копами, нефтяными копами, нефтяными источниками. Много интереснаго мы видѣли въ Кубанской Области, но все это видѣнное совершенно блѣднѣетъ передъ тѣмъ, что мы увидимъ впереди. Скоро мы достигли города Майкопа, Кубанской области, отъ котораго собственно и начинается интересная поѣздка. Отъ указанного города до города Туа-же тянется на разстояніи 140 верстъ отличное шоссе. Желѣзной дороги между этими городами пока не существуетъ, но въ скоромъ времени установится желѣзно-дорожное сообщеніе, такъ что мы проѣхали это разстояніе на лошадахъ. Совершенно незамѣтно мы достигли города Туаже, любуясь встрѣчными картинами природы: то величественными горами, покрытыми снѣгомъ и еще болѣе величественными при солнечномъ сіяніи, то красивыми видами рѣкъ у подножія горъ. Все это доставляло намъ большое удовольствіе. Но Туаже—портовый городъ гораздо больше привлекъ къ себѣ нашего вниманія и болѣе оставилъ о себѣ прекрасныхъ воспоминаній. Здѣсь мы впервые увидѣли море—Черное море.

Какая прелесть, какая красота и какое наслажденіе было любоваться моремъ! Когда впервые пришли на берегъ моря, то насъ поразила огромная синняя даль моря, гигантскія волны и красиво стоящіе на горизонтѣ пароходы. Это для насъ было прекрасное зрѣлище! Этотъ хорошій городокъ, расположенный на берегу моря, съ своими тропическими растеніями произвелъ хорошее впечатлѣніе на каждого изъ насъ. Но намъ предстояло болѣе интересное впереди. Съ Туаже намъ нужно было достигнуть Батума, но прежде Батума по маршруту нужно посѣтить нѣкоторыя курортныя мѣста, встрѣчающіяся на пути къ Батуму. Вотъ садимся на пароходъ „Россія“ и тихо выплываемъ изъ Туажинской бухты на самую ширь моря. Передъ нами раскрывалась вели-

колѣнная картина! Восходящее солнце, необъятная даль моря, гигантскія волны, быстро идущій пароходъ — все это радовало насъ, рождало въ насъ прекрасное настроеніе. Но такое настроеніе продолжалось не долго. Когда пароходъ на значительное разстояніе отдалился отъ Туаже, то, къ сожалѣнію, поднялся маленькій вѣтерокъ — и пароходъ нашъ значительно сталъ покачиваться на волнахъ, что слишкомъ отразилось на насъ. Хотя и слышалъ про морскую болѣзнь, но при такой картинѣ моря, которой мы любовались нѣсколько времени назадъ, мы не могли вспомнить про нее. И вотъ здѣсь впервые почувствовали ее. Куда скрылись жизнерадостныя лица, и то прекрасное настроеніе, которое часъ тому назадъ было у насъ.

Посторонній зритель замѣтилъ бы въ насъ рѣзкую перемену: радостныя, сіяющія лица смѣнились суровыми, мрачными, недовольными. Не прошло и часу какъ съ однимъ изъ насъ стало дурно. Минуть черезъ десять его можно было видѣть стоящимъ у борта и усердно кланяющимся морскимъ волнамъ. Сколько было трагизма въ этой картинѣ, но еще болѣе было комизма! Сію минуту съ удовольствіемъ вспоминаешь ту картину, но въ тотъ моментъ было не смѣшно, а горько. Терпѣніе наше плыть по морю истощилось, мы жаждали берега, но пароходъ, въ виду сильнаго морскаго шторма не останавливался у незначительныхъ пристаней, (такъ какъ нужно замѣтить, что пароходъ останавливается въ 200 саженьяхъ отъ берега, иногда больше и меньше, а отъ парохода уже доставляютъ турки на фелюгахъ (лодкахъ большихъ). Такъ мы проѣхали Сочи, Адлеръ, о которыхъ далъ хорошую замѣтку священникъ Автономовъ въ № 29 „Епархіальныхъ Вѣдомостей“. Мы окончательно изнемогали отъ морской качки и рѣшились попросить нашего руководителя слѣзть на первомъ остановочномъ пунктѣ. Къ счастью, пароходъ остановился у мѣ-

стечка „Гагры“. Какимъ радостнымъ чувствомъ наполнились наши сердца, когда пароходъ остановился!

Молодцеватые турки почти на лету ловили насъ съ парохода и усаживали на фелюгахъ. Черезъ десять минутъ, быстро несясь на волнахъ, мы достигли берега: радостному чувству нашему не было границъ, когда мы вступили на берегъ. Мы испытывали чувство, подобное тому, которое вѣроятно испытывалъ когда то Христофоръ Колумбъ и его спутники, достигши Америки.

„Гагры“, у которыхъ остановился пароходъ, — курортное мѣстечко, расположенное на берегу моря и защищаемое высокими горами. Это, можно сказать, развивающійся курортъ, и потому не такъ извѣстенъ больнымъ, какъ другіе курорты. Но съ увѣренностью можно сказать, что въ недалекомъ будущемъ онъ смѣло завоюетъ къ себѣ симпатію больныхъ. Пріѣзжаго челоуѣка прежде всего порази́тъ своимъ величіемъ дворецъ принца Ольденбургскаго. Онъ будетъ заинтересованъ и климатическими гагринскими станціями.

А какой чудесный воздухъ? Одинъ воздухъ можетъ восстановить больного. Много въ „Гаграхъ“ интереснаго и въ смыслѣ природы. Но меня сильно заинтересовалъ въ „Гаграхъ“ храмъ VI вѣка. Съ ви́шней стороны онъ напоминаетъ домъ каменный, но только съ конусообразнымъ верхомъ. Внутренность его очень проста и бѣдна. Когда Вы войдете въ храмъ, то Вамъ прежде всего бросится въ глаза иконостасъ — типъ древняго иконостаса. Около иконостаса стоятъ хоругви съ древними изображеніями креста. Алтарь съ престоламъ и по бокамъ расположены діаконикъ и жертвенникъ. Вотъ и вся внутренность храма! Я былъ ошачтливенъ тѣмъ, что и слышалъ службу въ этомъ храмѣ. Служба началась въ 9 часовъ утра. Въ храмѣ этомъ Вы увидите и строгаго на видѣ грузина, добродушнаго гре-

ка и нашего русскаго человѣка. Вотъ священникъ—старичекъ произнесъ возгласъ, хоръ пѣвчихъ отвѣтилъ: „аминь“. Началась великая ектенія... Сколько наблюдалось простоты въ дѣйствіяхъ, сколько вѣры и душевнаго спокойствія замѣчалось в старичка—священника и прихожанъ! Поистинѣ духъ апольскаго времени!

Я весь отдавался какому то непонятному чувству, казалось; что это все слышишь не наяву, а во снѣ.

Вотъ пропѣли „милость міра жертву хваленія“... Священникъ выходитъ на амвонъ и обратившись лицомъ къ народу, поднявши руки и взоръ къ верху, онъ тихимъ, но пріятнымъ голосомъ произнесъ: „горе имѣемъ сердца“. Этотъ обычай при служеніи литургіи произносить означенный возгласъ на амвонѣ у насъ въ Россіи не совершается. Но, здѣсь, въ этомъ храмѣ древности, онъ такъ гармонировалъ съ общимъ настроеніемъ прихожанъ, что невольно всплываютъ въ сознаніи образы перво верховныхъ апостоловъ Петра и Павла. Поистинѣ здѣсь единымъ сердцемъ и едиными усты славятъ Бога. Тутъ то и вспоминались слова о Ректора при прощаніи: „помолитесь за меня“... Еще болѣе усилила впечатлѣніе проповѣдь, произнесенная въ этомъ храмѣ тѣмъ же священникомъ. Это не высокопарныя слова, а простыя, понятныя слова даже для дѣтей. Сколько въ словахъ священника выразилось вѣры въ Бога, убѣжденія, что слова его падутъ на добрую почву и принесутъ плодъ! А посмотрѣли бы Вы на слушающихъ? Вы увидѣли бы ихъ сосредоточенныя взгляды. Вы замѣтили бы, что не лицемѣріе это было, а правдивость, полная готовность положить сіи слова себѣ на сердце. Поистинѣ наблюдался во всемъ богослуженіи духъ апостольскаго времени.

Скоро мы выѣхали пароходомъ на „Новый Афонъ“, оставляя о „Гаграхъ“ самыя лучшія воспоминанія; къ „Афону Новому“ мы подъѣзжали ночью. Погода стояла тихая,

пріятная, а потому ѣхать на пароходѣ было одно наслаженіе. Еще далеко на горизонтѣ показались огоньки. „Афонъ“ восклицали многіе. И дѣйствительно, это былъ „Новый Афонъ“.

Всѣ горѣли желаніемъ видѣта „Новый Афонъ“, какъ святое мѣсто, какъ богатое природой. Черезъ полчаса пароходъ остановился, и мы, покачиваясь на волнахъ, достигли пристани. На утро мы наслаждались красотами „Новаго Афона“. Прежде всего Васъ поразитъ общій видъ „Новаго Афона“. Вы увидите громадныя высокія горы, величественный монастырь во имя Симона Канаита, монастырскія гостинницы.

Вы будете удивляться и съ наслаженіемъ смотрѣть на искусственные пруды, хорошо распланированные на ровной мѣстности, усѣянной массой кипарисовъ. Съ высокой горы бѣгутъ много ручьевъ. Усиліями монаховъ эти ручьи собраны въ одинъ общій ручей которымъ они пользуются, какъ огромной силой, для приведенія въ дѣйствіе электрической станціи, освѣщающей монашескія зданія, и изъ котораго монахи образовали искусственные пруды. Дѣйствительно, нужно удивляться тѣмъ нечеловѣческимъ усиліямъ которыя были положены на то, чтобы такое дикое мѣсто привести въ усовершенствованный чудный уголокъ.

Изъ особенностей Афона Новаго-Иверская часовня. Кто то довольно мѣтко сказалъ, что быть на Афонѣ и не посмотреть Иверской часовни, равно тому, что быть въ Римѣ и не увидать папы. И, дѣйствительно, это цѣнное мѣстечко Афона, и рѣдко кто изъ путешественниковъ не посѣтитъ этого мѣста.

Иверская часовня съ чудотворной иконой Божіей Матери стоитъ на высокой горѣ. Чтобы подняться на эту гору, требуются большія усилія. Но когда вы поднимаетесь на эту гору и взойдете въ часовню, то сразу исчезнетъ ва-

ша усталость и наоборотъ вы будете чувствовать приливъ духовной бодрости. Входите въ часовню. Васъ встрѣтитъ инокъ. Онъ радъ вашему приходу. Съ удовольствіемъ съ вами разговорится о святой чудотворной иконѣ Божіей Матери и о духовномъ наслажденіи бытъ всегда въ часовнѣ. Когда я былъ въ часовнѣ, то инокъ много со мной говорилъ и между прочимъ показалъ нѣкоторыя вещи, которыя недавно были найдены въ землѣ. Это оказались символическія знаки христіанъ: голова агнца, кресты, рыба и нѣкоторыя другія, которыя по давности времени трудно было опредѣлить. Я по силѣ возможности, постарался рассказать ему о символическихъ знакахъ христіанъ и о томъ значеніи, какое они имѣли для христіанъ.

Это такъ сказать внѣшняя сторона Афона. Что же касается самой внутренней жизни монаховъ, то прежде всего путешественника поражаетъ строгій монашескій режимъ. Всѣ пріѣзжіе обязаны быть на богослуженіи. Столъ монаховъ очень бѣденъ по содержаніи. Наши, по крайней мѣрѣ, желудки крайне негодовали на монашескій столъ. Но чтоже дѣлать, такой строгій режимъ. Много и много нужно писать объ Афонѣ, но я ограничился лишь краткими замѣтками.

Изъ Афона пароходомъ мы прибыли въ Батумъ, чудный городъ въ смыслѣ тропической растительности: здѣсь вы найдете чайныя плантаціи, апельсины, лимоны, бананы, орѣхи разныхъ сортовъ. Изъ Батума желѣзной дорогой мы достигли Тифлиса. Тифлисъ гораздо больше оставилъ о себѣ воспоминаній, чѣмъ Батумъ. Это вполне усовершенствованный городъ. Онъ замѣчателенъ красивыми зданіями, путями сообщенія, тропической растительностію. Что въ особенности достойно вниманія, такъ это Сіонскій соборъ VI вѣка. Въ немъ совершаетъ богослуженіе Экзархъ Грузіи. Но, къ сожалѣнію, службы намъ не пришлось слышать, потому что

Экзархъ былъ въ отлучкѣ. Тифлисъ сообщается съ Владикавказомъ, который мы тоже посѣтили, шоссею дорогой, извѣстной подъ именемъ „Военно-Грузинской“. Нужно писать очень много о „Военно-Грузинской“ дорогѣ, но ограничимся краткой замѣткой: Военно-Грузинская дорога есть цѣлый рядъ красивѣйшихъ картинъ природы.

На обратномъ пути мы заѣзжали на минеральныя воды: Пятигорскъ, Кисловодскъ, Желѣзноводскъ. Всѣ эти курорты замѣчательны дешевой жизнью, бесплатными цѣлебными источниками и чуднымъ воздухомъ.

Какъ и всегда, мѣста эти усердно посѣщаются больными: здѣсь можно видѣть и много духовенства, военныхъ и праздно живущихъ людей.

21 іюля кончилась экскурсія. Сколько впечатлѣній хорошаго, пріятнаго... Отъ массы впечатлѣній чувствуется даже маленькая усталость.

Прошло уже много времени, съ тѣхъ поръ, какъ кончилась наша поѣздка на Кавказъ, но въ памяти твердо живутъ картины и тѣ образы, которые намъ приходилось видѣть. Истиннѣ поѣздка доставила большое удовольствіе: чувствуешь себя и физически здоровымъ и умственно немного отдохнувшимъ.

Въ заключеніи нужно сказать, что каждый изъ участниковъ экскурсіи долженъ сказать сердечное спасибо нашему руководителю.

Воспитанникъ семинаріи *Ворисъ Лебедевъ*.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПРИБРѢТАЙТЕ ЦЕРКОВНУЮ УТВАРЬ ИЗЪ ПЕРВЫХЪ РУКЪ. БЕЗЪ ВСЯКОЙ ПЕРЕПЛАТЫ:

у ВЕЛИЧАЙШЕЙ ФАБРИКИ въ Россіи

Т-ва Андрея Захряпина С-вей.

Отдѣленіе — магазинъ Воронежъ, Бол., Московская ул., противъ Духовной Консисторіи.

ИМѢЕТСЯ ВЪ ГРОМАДНОМЪ ВЫБОРѢ:

ВСЯ ЦЕРКОВНАЯ УТВАРЬ, ИКОНЫ, КІОТЫ

серебряная и металлическая

ПАРЧА И СВЯЩЕННИЧЕСКІЯ ОБЛАЧЕНІЯ

а также принимаются заказы по художеств. рисункамъ на всевозмож. церковную утварь и ремонтъ старыхъ вещей, позолота, серебрение.

Фирма ручается за доброкачественность товара, а также дастъ наставленія какъ обращаться съ утварью и способъ ея чистки.

Цѣны фабричныя безъ запроса, просимъ посѣтить нашъ магаз. и убѣдиться на мѣстѣ.

Требуйте пошл. фабричный тейсъ-куррантъ, высылаются бесплатно

1—10

Ворожежская касса

взаимнаго вспоможенія на случай смерти и инвалидности выдала въ 1912 году между прочимъ вдовамъ умершихъ своихъ членовъ, священниковъ Н. Ф. Устиновскаго 1473 р. 7 к. С. П. Прохорова 1621 р. 65 к. и о. благоч. К. М. Юсифова 1473 р. 7 к. и кромѣ того двумъ членамъ — инвалидамъ 3200 р. Означенныя лица за время 10-ти лѣтняго участія ихъ въ Кассѣ уплатили около 250 рубл. каждый. При лишеніи заработка — отсрочка платежей. Черезъ 20 лѣтъ по вступленіи въ члены Кассы — освобожденіе отъ платежей. Со времени утвержденія Кассы (1899 г.) по 1913 г. выдано пособій за 169 случаевъ смерти и инвалидн. 150435 р. 97 к. Уставъ и правила вступленія — бесплатно. Уголь Б. Дворянск. и 2-ой Дѣвицк., д. Копылова, № 51, отъ 10 до 3 часовъ, кромѣ праздниковъ.

9—10

ОПТОВО-РОЗНИЧНЫЙ СКЛАДЪ

Т **Т О Р Г О В Ы Й Д О М Ъ** *С*

Аркадій Николаевичъ Вяхиревъ и К^о.

Воронежъ, Б. Московская ул. соб. д.

КЪ ОСЕННЕМУ И ЗИМНЕМУ СЕЗОНАМЪ

ПОЛУЧЕНЪ БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ

МАНУФАКТУРНЫХЪ ТОВАРОВЪ

Цѣны внѣ конкуренціи.

4—20

СОДЕРЖАНІЕ

НЕОФИЦИАЛЬНОЙ ЧАСТИ:

- Современныя задачи пастырскаго служенія.—Воронеж. Епарх. Миссіонера священника *Петра Сертеева*.
Задонскій праздникъ — Священника *Петра Сертеева*.
Очерки религіозныхъ движеній въ Русской церкви.—*О. Пилипскова*.
Оптинскій старецъ о. Варсонофій.
Путевыя замѣтки и впечатлѣнія по Кавказу.—Воспитанника семинаріи *Бориса Лебедева*.
Объявленія.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи *Архимандритъ Серафимъ*.

Печатать дозволяется. 1 сентября 1913 г. Цензоръ Протоіерей А. Спасскій.

Воронежъ. Гло-Лит. «Т-ва Н. Кравцовъ и К^о», Б. Дворянская ул., д. Сомова.